

Ярослав Вязовский

Рецензия на книгу «Богословие Жана Кальвина для начинающих» (Пол Хелм)

Хелм, Пол. Богословие Жана Кальвина для начинающих. – Минск: Евангелие и Реформация, 2016. – 352 с.

Пол Хелм — один из ведущих специалистов по богословию Жана Кальвина. В издательстве Оксфордского университета вышли два фундаментальных тома, посвященных идеям Кальвина и их связи как с последующим кальвинистским богословием, так и с предыдущей средневековой традицией (*John Calvin's Ideas* (2004) и *Calvin at the Centre* (2010)). Данная книга является сокращенным и адаптированным для более широкой аудитории изложением вышеупомянутых трудов.

Вместо того что пересказывать содержание «Богословия Жана Кальвина для начинающих» глава за главой, я воспользуюсь возможностью порассуждать над вопросом о том, что такое кальвинизм. Поскольку львиная доля моих мыслей основана на содержании рассматриваемой книги, по ходу их описания я расскажу, о чем эта книга. Главным образом, она помогает понять, что учение Кальвина — это не пять пунктов кальвинизма, что богословие Кальвина намного шире и глубже.

Сначала мы поговорим о том, чем кальвинизм не является, а затем о том, что такое кальвинизм на самом деле.

Чем кальвинизм не является

Во-первых, кальвинизм — это не 5 пунктов кальвинизма. На всякий случай повторю их: полная испорченность (неспособность обратиться к Богу), безусловное избрание (сам Бог решает, кто будет спасен), ограниченное умилоствление (Христос умер только за избранных), непреодолимая благодать (избранные обязательно уверуют), стойкость святых в вере (нельзя потерять спасение).

Эти 5 пунктов не характерны для кальвинизма. Они были навязаны реформатской традиции извне, а точнее, группой внутри реформатской церкви, которая, как позже оказалось, была чужда реформатству.

Ремонстранты (последователи Якова Арминия) выдвинули 5 пунктов для обсуждения и реформатские богословы были вынуждены формулировать свои 5 пунктов в ответ. Они были зафиксированы на Дортском синоде в начале XVII века и с тех пор существуют.

Помимо того что эти пункты навязаны извне, они касаются очень небольшой части богословия Кальвина и упрощают (и из-за этого в определенной мере искажают) его. Они вырывают отдельные учения из общего контекста богословия Кальвина и неправильно расставляют акценты, как будто мысль Кальвина можно свести к некоторым аспектам сотериологии. Кальвинизм намного шире этих 5 пунктов. Они удобны лишь для первоначального знакомства с идеями Кальвина, но не являются полноценным выражением его богословия.

Во-вторых, кальвинизм — это не учение о двойном предопределении.

Кальвин и кальвинисты, конечно, верят в безусловное избрание. Но предопределение не стоит в центре богословской системы Кальвина. Оно не является неким базовым принципом, из которого выводятся все остальные учения.

Доказать это очень просто: учение о предопределении находится в самом конце третьей книги «Наставление в христианской вере». Кальвин уже изложил все учение о Боге, всю христологию, все учение о спасении в его объективном и субъективном аспектах, и только после этого он пишет о предопределении. Другими словами, он вполне способен сформулировать почти все свое богословие, не опираясь на идею предопределения.

Функция этого учения у Кальвина понятная, простая и вполне соответствует Новому Завету. Кальвину оно нужно главным образом для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что спасение — по благодати. Это особенно ярко видно в его проповедях по Посланию ефессянам: вместо того чтобы развить огромную теорию двойного предопределения (а данное послание дает основания для этого), он всякий раз вспоминает о предопределении только для того, чтобы подчеркнуть, что спасение — целиком от Бога, по благодати.

Если кальвинизм — это не 5 пунктов и не предопределение, то что это?

Возможно, кто-то подумал, что я хочу смягчить настоящий кальвинизм, спрятать его когти и заретушировать учение о предопределении, чтобы сделать реформатскую традицию более привлекательной. Возможно, кому-то кажется, что я лукавлю. Но здесь нет

лукавства. Полноценный кальвинизм на самом деле сосредоточен на другом.

Что такое кальвинизм

Можно выделить семь широких тем, вокруг которых вращается и богословие самого Кальвина и богословие современных кальвинистов.

1. Уважительное отношение к богословской традиции прошлого.

Иногда мы думаем, что Лютер и Кальвин поставили крест на всем средневековом богословии, сожгли все книги Фомы Аквинского и Ансельма Кентерберийского и стали читать исключительно послания Павла. Но это не так. Реформаторы знали и ценили богословов прошлого. Если мы возьмем «Наставление» Кальвина, то почти на каждой странице мы найдем одну или даже несколько цитат из отцов церкви. При этом не только из Августина и Тертуллиана (западных богословов), но и из Григория Нисского, Григория Назианзина, Василия Великого (каппадокийских отцов), Иоанна Златоуста и многих других.

Но уважение к традиции не значит, что реформаторы принимали ее полностью и не критиковали ее. Чтобы понять, что именно Лютер и Кальвин отвергали в средневековом богословии, нам надо перейти ко второй теме кальвинизма.

2. Отрицание естественного богословия.

Средневековые богословы пытались постичь Бога в отрыве от откровения во Христе. (Метод *remoto Christo*: как если бы Христа не было.) Они задавали такие вопросы: что мы можем знать о качествах Бога, если предположить, что мы еще не познали Христа? Что мы можем знать о Троице на основании логических рассуждений? Что мы можем знать о спасении, не обращаясь к Библии? Они сознательно и целенаправленно оставляли откровение во Христе в стороне и пытались рассуждать о Боге, опираясь исключительно на логику.

Вот это реформаторы яростно отвергали. Лютер назвал такой метод «богословием славы» и провозгласил вместо него «богословие креста». Кальвин также учил, что мы ничего не можем знать ни о Боге, ни о спасении без Христа. Бог познаваем исключительно во Христе.

Кальвин систематически отказывался задаваться вопросом «А что, если...?». Его всегда интересовало только одно: что фактически Бог совершил и открыл во Христе.

Например, Ансельм Кентерберийский написал книгу «Почему Бог стал человеком?» В ней он берет за основу абстрактную идею справедливости Бога и выводит из нее необходимость умилоствления посредством смерти Богочеловека. Кальвин в целом принимает *выводы* Ансельма, но отказывается использовать его *метод* доказательства учения об умилоствлении. Кальвин учит, что, как видно из Писания, Бог решил явить нам полноту Своей любви и для этого послал Своего Сына на смерть. Он строит свое учение об искуплении на том, что Бог фактически совершил, а не на том, какая у Бога должна быть справедливость с точки зрения логики. Пол Хелм прекрасно описывает данное различие между Ансельмом и Кальвином, и я всячески рекомендую обратить пристальное внимание на этот фрагмент книги.

3. Приоритет лиц Троицы над сущностью Бога.

Кажется, этот заголовок звучит как рассуждения тех средневековых богословов, которых я только что критиковал. Однако мы продолжаем говорить именно о библейском богословии Кальвина. Здесь следует отметить три момента.

Во-первых, учение о Троице очень важно для Кальвина и кальвинизма. В степени важности этого учения для церкви реформатская традиция может конкурировать с православной церковью.

Во-вторых, по Кальвину, мы познаем Бога, сущность Бога, строго посредством лиц Троицы, которые явлены нам. Дело обстоит не так, что мы сначала познаем сущность Бога из какого-то источника (природы или логических рассуждений), а потом к познанию сущности Бога мы добавляем познание трех лиц. Нет, мы познаем Сына, в Сыне познаем Отца и Духа и посредством познания лиц Троицы мы познаем сущность Бога. И оказывается, что сущность Бога заключается в том, чтобы существовать в трех лицах. Быть Богом — значит быть в трех лицах. Кстати, этой идее посвящена целая книга Джеральда Брея «Бог» (Минск: Евангелие и Реформация, 2015).

В-третьих, как подчеркивает Пол Хелм, Кальвин назвал каждое лицо Троицы самобожным (греч. *автоθεос*). Тем самым он решил древнюю проблему подчинения Сына Отцу. Сын обладает не производной

божественностью, а своей собственной. Сын есть Бог сам по себе (лат. *a se*). Отец рождает не божественную сущность Сына, а Его личность.

Кальвин высказывает несколько фундаментальных тринитарных принципов, которые наполняют учение о Троице глубиной, содержанием. Троица перестает быть сухой и страшной богословской концепцией. Подход Кальвина к Троице позволяет учению о Троице пронизать все его богословие, поэтому Кальвин может использовать его во всех богословских разделах — от учения о спасении до учения о церкви.

4. Тройное посредническое служение Христа как пророка, священника и царя.

Здесь можно быть кратким. Как отмечает Пол Хелм, Кальвин не был первым, кто назвал Христа пророком, священником и царем. О тройном служении Мессии писали не только христианские богословы (Евсевий Кесарийский, Григорий Нисский, Августин), но и нехристианские авторы (Филон Александрийский, Иосиф Флавий). Кальвин же был первым, кто придал такому тройному посредническому служению важность и построил вокруг него свое учение о деле Христа. Такой подход позволяет увидеть всю полноту совершенного Христом спасения и не сводить его к одному прощению грехов.

5. Союз с Христом стоит в центре учения о спасении.

Мы, протестанты, привыкли думать, что в центре учения о спасении — оправдание только верой. Возможно, это верно для Лютера и лютеран. Кальвин, конечно, принимал учение об оправдании только верой. Но в основе его понимания спасения лежит идея Павла о союзе верующего с Христом.

Важность и центральность учения о союзе с Христом видна в композиции «Наставления». Абзац, связывающий вторую и третью книгу, говорит именно о союзе с Христом (см. Наставление, 3.1.1). Другими словами, Кальвин сначала пишет о том, как Христос объективно совершил наше спасение (вторая книга), а потом задается вопросом, как совершенное Христом спасение становится субъективно нашим (третья книга). Его ответ: благодаря соединению с Христом верой и силой Духа.

Из этого следует отчетливо реформатский подход к сотериологии. Кальвин вводит понятие *duplex gratia* (лат. двойная благодать), то есть

двух даров освящения и оправдания, и утверждает, что мы получаем оба дара сразу, а не по очереди и не по частям. Если мы соединены с Христом, значит, весь Христос принадлежит нам сразу. Христа нельзя разорвать на части, а следовательно, невозможно отделить освящение от оправдания. Я не случайно упоминаю эти дары в таком порядке: сам Кальвин «переворачивает» порядок изложения и сначала говорит об освящении и христианской жизни, а только затем об оправдании (см. третью книгу «Наставления»). Тем самым он показывает, что не бывает оправдания без освящения.

Пожалуй, данной теме Пол Хелм уделяет больше внимания, чем какой-либо другой, и даже называет этот подход Кальвина гениальным. Поэтому я настоятельно рекомендую обратить внимание при чтении книги на вопрос о двойной благодати.

6. Реальное духовное присутствие Христа в таинствах

Католики учили превращению хлеба и вина в тело и кровь. Лютеране считали, что тело Христа вездесущее, поэтому мы буквально жуем его, когда едим хлеб. Анабаптисты (и баптисты) были убеждены, что вечера Господня — это только символ, напоминающий нам о смерти Христа.

Но Кальвин занимал среднюю позицию. Он учил, что Святой Дух соединяет нас с телом Христа, преодолевая расстояние между ним и нами.

Такие современные специалисты по Кальвину, как Джулия Кэнлис, полагают, что именно учение Кальвина о Святом Духе оберегает его от пантеизма и теозиса в учении о союзе с Христом. Кальвин придает грандиозную важность роли Святого Духа в нашем спасении. Не случайно его иногда называют богословом Святого Духа. Реальное Духовное присутствие Христа — мощная альтернатива как православной идее обожения, так и пиетистскому стремлению поддерживать «личные отношения» с Богом в одностороннем порядке силой человеческих религиозных эмоций.

7. Церковь определяется проповедью слова и совершением таинств.

В этом вопросе все реформаторы были едины и Кальвин не был оригинален.

Римско-католическая церковь определяла истинную церковь при помощи четырех признаков: святость, единство, соборность (кафоличность) и апостоличность. Кальвин, вслед за Лютером, учил, что признаков церкви только два: проповедь слова и совершение таинств. Там, где проповедуется истинное Евангелие, там и есть настоящая церковь. Фактически, признак один, так как таинство по Кальвину — это видимое слово.

Из такого понимания природы церкви вытекает организация кальвинисткой церкви и форма богослужения. В частности, кальвинисты, не считают церковную музыку таинством и средством спасения (что, однако, не помешало Кальвину ввести общинное пение библейских псалмов в Женеве).

Пол Хелм освещает и другие аспекты богословия Кальвина, а также рассматривает вопрос о различии между самим Кальвином и кальвинистами. Надеюсь, написанного выше достаточно, чтобы побудить всех интересующихся богословием внимательно прочитать книгу «Богословие Жана Кальвина для начинающих».

Ярослав Вязовский

PhD (University of Aberdeen), пастор Евангельской реформатской церкви (г. Минск)